

О. Л. Левинская

О МУЛАХ И «ПОЛУОСЛАХ» В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОМ ЭПОСЕ

...на муловый воз легкокатный
Весь уложили за голову Гектора выкуп бесценный,
Мулов в него запрягли воловозных, дебелокопытных,
Некогда в дар подведенных владыке Приаму от мизов.
(Илиада. XXIV. 275–278)

Читая Гомера, легко заметить, что в мире героев «Илиады» и «Одиссеи» мулы были очень нужным существом. Иногда переводчики используют менее употребительный синоним *меск*, но в любом случае речь идет о животном, которое в греческом тексте именуется ἡμίονος (букв. «полуосел») и традиционно понимается как *мул*, т.е. гибрид кобылицы и осла.

О прочном положении мулов/месков в эпическом мире свидетельствуют и тексты Гесиода: хотя мулы упомянуты там всего дважды («Труды и дни», 607 и 816), но оба раза – в формульном сочетании βουσι καὶ ἡμίονοισι, и в обоих случаях речь идет о мулах, тянущих плуг. Тот факт, что животные, именуемые ἡμίονοι появляются в составе формульного сочетания, свидетельствует, на мой взгляд, о принадлежности этих «персонажей» к древнейшим слоям эпоса.

Эпические контексты складываются в ясную и непротиворечивую картину:

1. Мулы – важная составляющая хозяйственной жизни и греков, и троянцев. Их знают и на Пелопоннесе (Элида, Спарта – Од. IV. 636; XV. 85), и в островной Греции (Итака – Од. XXI. 23).

2. Их используют как тягловую силу, запрягая в повозку (колесницу), но только не боевую (Ил. XVII. 742; XXIV. 150, 179, 277, 324; Од. VI. 37, 73, 82, 88, 111; VII. 2, 6) и в плуг (X. 351; Од. VIII. 124; Гесиод. Тр. 607, 816).

3. Мулы ценятся высоко и считаются дорогим подарком (Ил. XXIII. 260, 656; XXIV. 277; Од. XV. 85).

4. При этом они не являются вполне домашним животным – их нужно приучать к ярму (Од. IV. 636).

В эту прозрачную картину не вписывается только один факт: *ослы*, без которых разведение мулов невозможно (мулы, как известно, бесплодны и не дают потомства), в эпическом мире практически полностью отсутствуют. У Гомера осел появляется единственный раз, когда упорство и медлительность Аякса сравниваются с поведением этого животного (Ил. XI. 558), а у Гесиода ослы не упоминаются вовсе, и это, похоже, не случайность, а вполне адекватное отражение объективной ситуации.

Дело в том, что ослы полностью отсутствуют как в мифологии, так и в иконографии архаической эпохи. Первые известные нам изображения этих животных в греческой традиции относятся к VI в. до н.э., и поэтому есть основания думать, что ослы появились в греческом мире поздно и для архаической эпохи были еще животными скорее редкими и экзотическими, чем известными и распространенными. Но если в гомеровско-гесиодовском мире осел – такая редкость, то откуда там обилие мулов?

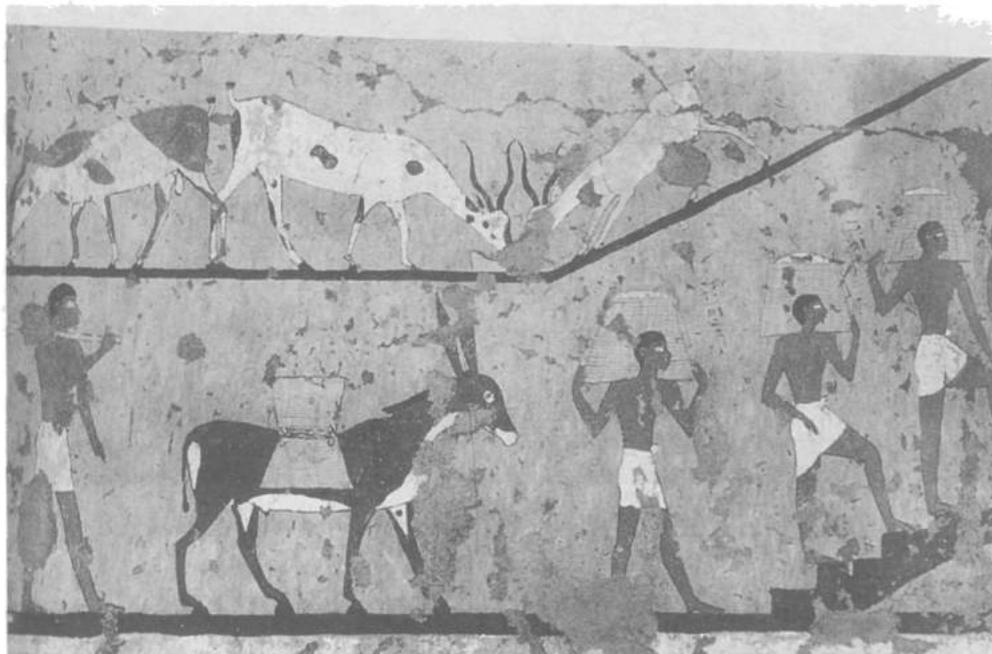

Рис. 1. Ослы с поклажей. Настенная роспись (Гебелейн). Ок. 2120 г. до н.э.

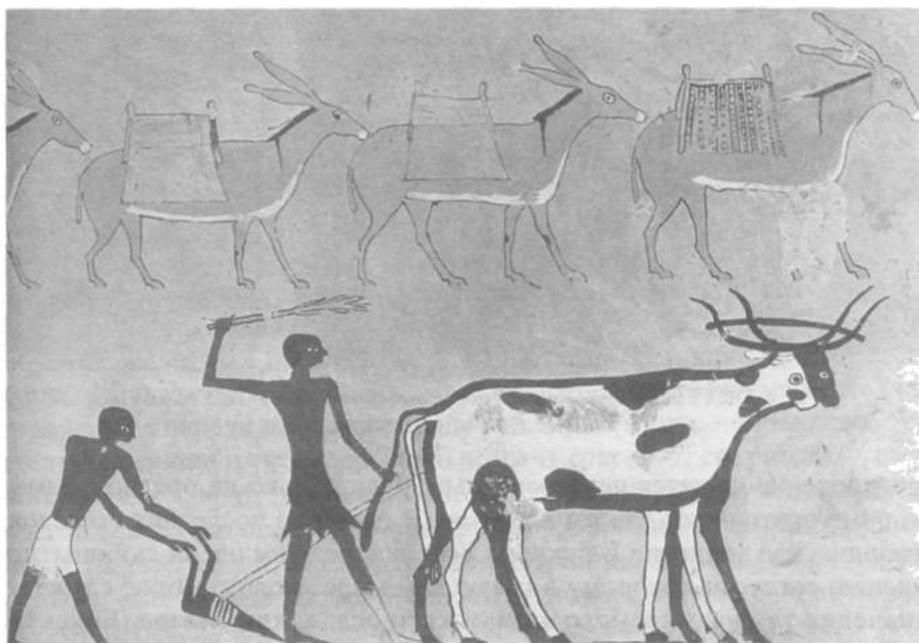

Рис. 2. Караван нагруженных ослов. Настенная роспись (Фивы). Ок. 2050 г. до н.э.

Рис. 3. Осел с поклажей. Настенная роспись (Фивы). 1448–1422 гг. до н.э.

Рис. 4. Осел с поклажей. Настенная роспись (Фивы). 1248–1235 гг. до н.э.

Противоречие кажется неразрешимым, если только не предположить, что слово ἡμίονος означает совсем не «мул». В одном из последних исследований по исторической зоологии Ближнего Востока находим очень любопытное утверждение, согласно которому в греческом мире слово ἡμίονος служило для обозначения так называемого «азиатского осла», или *онагра* (*Equus hemionus*)¹. *Онагры* и *ослы* – животные хоть и родственные, но разные, составляю-

¹ A History of the Animal World in Ancient Near East / Ed. B.J. Collins. Leiden (Brill), 2002. P. 17.

Рис. 5. Палестинский торговец с нагруженным ослом. Настенная роспись (Бени-Хассан). Ок. 1890 г. до н.э.

щие два независимых вида в роде лошадей. Оба эти вида занимали совершенно самостоятельное место не только в классификации лошадиных, но и в графическом пространстве. Более того, даже использовали их совершенно по-разному.

Родина ослов – Северная Африка, а одомашнены они были не позднее IV тыс. до н.э. в Египте, Сирии, Палестине и Иордании. Использовали их исключительно как *вьючных* животных (рис. 1–5).

А онагры обитали в Азии, на обширной территории от Монголии до Индии, включая Центральную Азию. В число этих территорий входило и Междуречье, где онагры, как свидетельствуют специалисты по археологии Междуречья, водились еще сравнительно недавно – в XIX в.

До некоторых пор онагров считали неприручаемым животным, но при раскопках в Уре был найден так называемый «Штандарт» – две панели с инкрустациями из перламутра и лазурита (фон) со сценами военной и мирной жизни (ок. 2500 г. до н.э.). На «военной» панели изображены четырехколесные возки, запряженные животными, похожими отчасти на лошадей, отчасти ослов. Этим животных отождествили с онаграми; правильность вывода подтвердили результаты остеологических исследований. На «мирной» панели онагров гонят впереди себя тяжело нагруженные люди, – возможно, это бедители, уносящие и увозящие свою добычу (рис. 6–7; ср. рис. 8).

Изображения запряженных в повозки онагров и сцены их отлова распространены на мозаике, украшающей ларец эпохи I династии Ура (рис. 9). Следовательно, в III тыс. до н.э. в Междуречье онагров использовали как *тяжелых* животных и если не разводили в домашних условиях, то, по крайней мере, приручали. Со II тыс. до н.э. их стали постепенно заменять лошадьми.

Совершенно очевидно, что роль онагров в цивилизации Междуречья полностью совпадает с ролью *ἵππων*, как она представлена Гомером и Гес

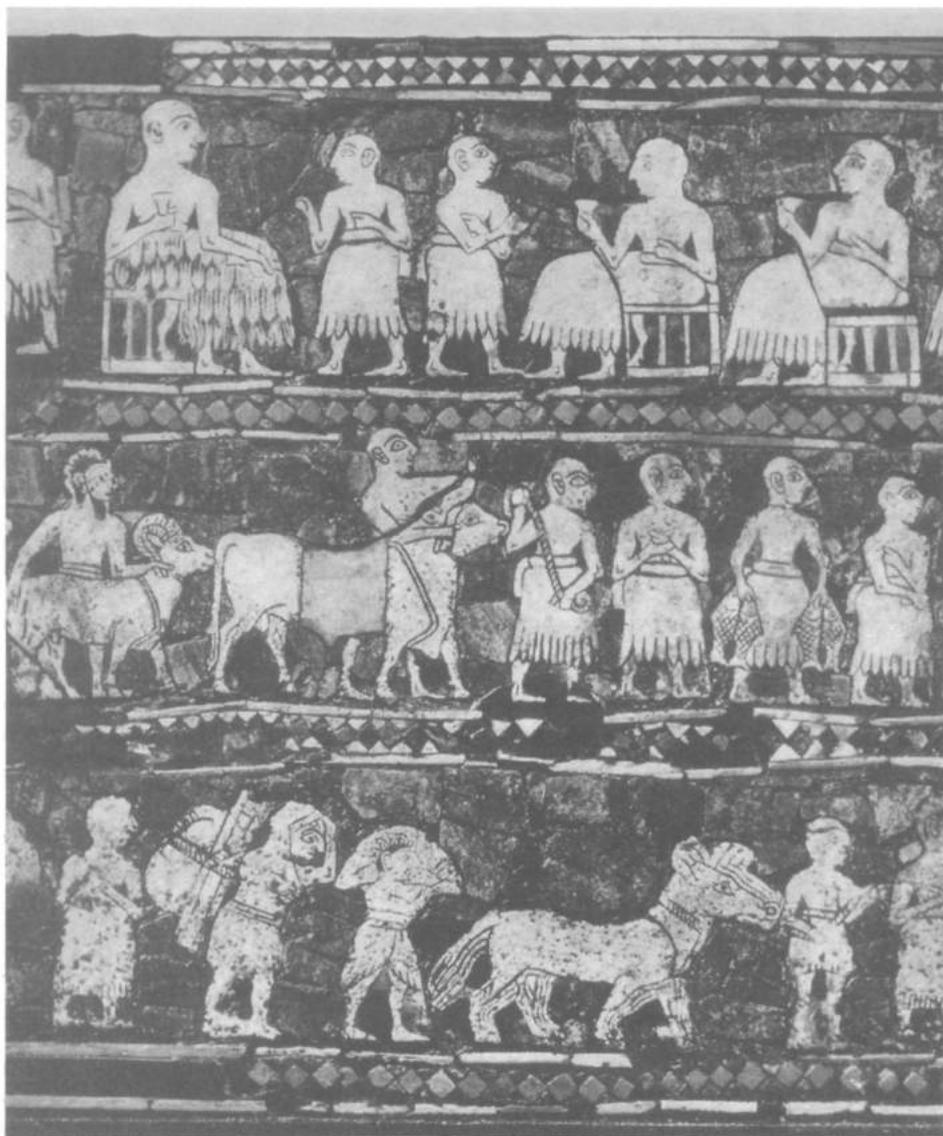

Рис. 6. «Штандарт» из Ура. Сцены мира

дом. Что же заставляет нас думать, что гомеровские и гесиодовские ἵππιονοι – это мулы? Ведь само слово не содержит никаких специальных указаний на то, что под «полуослом» следует понимать именно *гибрид* осла и кобылицы. Следовательно, ничто не мешает нам предположить, что «полуослами» у Гомера и Гесиода называются животные, которые были похожи на ослов, но не полностью, а лишь отчасти – именно так и выглядели онагры.

Такое толкование снимает противоречие, о котором уже было сказано (между обилием мулов и практически полным отсутствием ослов в эпическом мире), но одновременно ставит нас перед новой проблемой: если гомеровско-

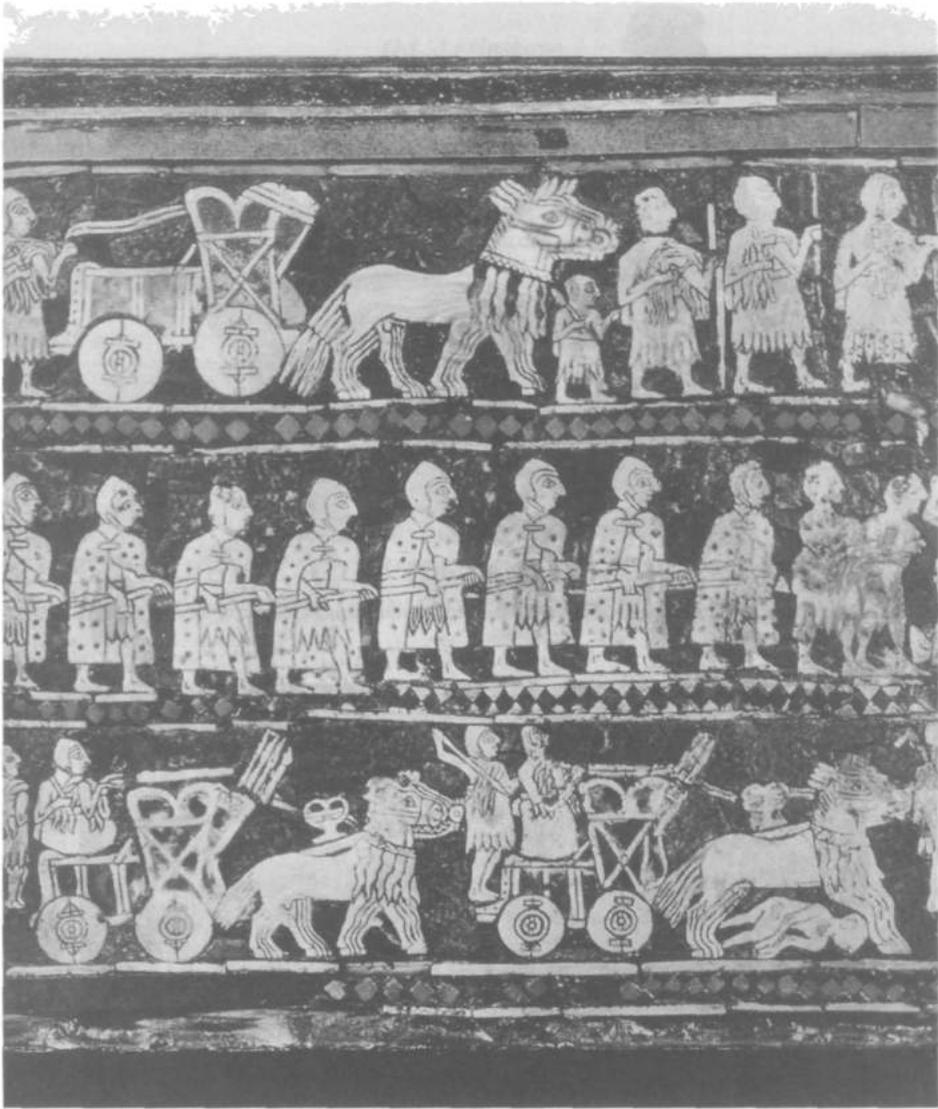

Рис. 7. «Штандарт» из Ура. Сцены войны

гесиодовские ἡμίονοι – это онагры, то какую реальность отражает в данном случае эпический текст – историческую или художественную?

В первом случае новая страница может быть вписана в зооархеологию, потому что об обитании азиатских онагров в греческом ареале не известно ничего. Во втором случае мы получаем еще один заманчивый повод поразмыслить о связях античного мира с Междуречьем и о путях проникновения древневосточных художественных образов в греческий эпос.

Рис. 8. Миниатюрная группа из меди: боевая колесница, запряженная четверкой онагров (Телль-Аgrab). Начало III тыс. до н.э.

Рис. 9. Рельефная табличка из Хафадже. Первая половина III тыс. до н.э.

O.L. Levinskaya

It is absolutely evident that in the world of Greek archaic epos mules (Gr. ἤμιονοι) are very important creatures, widely spread and used in different spheres of life. At the same time in this very world there are no asses, which are absolutely necessary for breeding mules. This paradox can be explained rather simply, but the explanation leads far away from Greece, to Mesopotamia and shows how closely these two areas were connected, even in the system of epic images.

© 2004 г.

В. Е. Максименко

ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ НИЖНЕДОНСКИХ ПАМЯТНИКОВ СКИФСКОЙ ЭПОХИ

Проблема определения этнической структуры населения в зонах наибольшего взаимодействия древних племен всегда сложна. Противоречивый характер сведений античных авторов, неопределенность в интерпретации археологических источников и отсутствие комплексного подхода в анализе всех доступных видов источников порождают у ученых гипотезы, зачастую прямо противоположные друг другу. При этом наибольшие разногласия наблюдаются у тех исследователей, которые за основу анализа взяли один вид источников – письменный или археологический – и значение его явно преувеличивают.

Трудности определения этноса на Нижнем Дону в эпоху раннего железного века состоят в том, что эта территория являлась своеобразной контактной зоной, местом столкновения племенных объединений, различных по этническим признакам и хозяйственному укладу. Поэтому материальная и духовная культура населения этого региона всегда носила смешанный характер.

До недавнего времени в интерпретации археологических памятников кочевого населения эпохи раннего железного века преобладал «глобальный» подход. Исследователи полагали, что на территории Подонья в определенные периоды раннего железного века существовала единая археологическая культура, без особых локальных различий, и население считали либо «скифским» (до II в. до н.э.), либо меотским (в дельте Дона), либо савроматским или сарматским.

Накопленный к настоящему времени материал рисует более сложную картину. Видимо, не следует искать «чистые» варианты археологических культур и искусственно их подгонять под территориальные границы, определяемые древними авторами. Не следует подгонять и этнические термины под археологические культуры, поскольку именно это обстоятельство со временем приводит к невообразимой путанице в попытках сопоставления этноса и археологических культур.